

В комнате было темно, единственный свет исходил от маленькой свечи, стоявшей на крошечном деревянном столике рядом с сиденьем, за которым сидел мужчина средних лет с бирюзовыми волосами из семьи де Галлия. У него всегда была эта эстетика, когда он не был на публике, хотя он не знал, почему. Это было просто то, что он ценил. Тусклый оранжевый свет, возможно, напомнил ему о собственной пустоте.

«Миозунитонирун». — сказал он спокойно, и с дуновением небольшого порыва ветра, которого едва хватило, чтобы вспыхнуло пламя свечи, перед ним появилась женщина, в темной одежде, оставив лишь бледно-белое лицо, видимое в темноте, куда не мог проникнуть свет свечи.

Шеффилд вздохнула, глядя на своего хозяина. Она ненавидела это имя. Она знала, что этот человек, король Жозеф де Галлия, точно знал, как произносится ее бримирское имя Мьодвитнир. Он не был дураком, несмотря на свое популярное прозвище, и это слово было не так сложно произнести, как казалось, но он настаивал на использовании этого дурацкого альтернативного написания, у которого даже не было рунического эквивалента. По крайней мере, он мог использовать руническое написание Миодайтнир, в конце концов, оно буквально было написано у нее на лбу!

Тем не менее, несмотря на раздражение по поводу его выбора имени, она следовала за человеком с почти слепой верой. Он был не только ее хозяином, но и человеком, спасшим ей жизнь несколько десятилетий назад, когда она еще жила на улицах Антиака в Сахаре. Ему было позволено называть ее так, как ему хочется, и она не жаловалась вслух. В конце концов, она могла терпеть такое легкое оскорбление, если бы она развалилась из-за того, что, вероятно, было его шуткой, она была бы ужасной служанкой, не так ли?

"Да сэр?" — спросила она, наклоняясь так, чтобы одно колено коснулось земли, а рука лежала рядом с коленом в поклоне всего тела. «Я в вашем распоряжении».

Джозеф усмехнулся, глядя на своего самого верного слугу. «Я слышал, что моя дочь вернулась домой во время отпуска. Случилось что-нибудь интересное?» — спросил он, и она моргнула.

Она, конечно же, наблюдала за тем, как племянница Джозефа переживала небольшой кризис из-за своей матери, и видела, как мальчик, которого она привела, нашел ее и успокоил... Она обнаружила и другую магию ветра, но, как ни странно, она не смогла отследить его источник, как он вел его.

Она бы последовала за ними после того, как они ушли, но что-то удержало ее. Что это было, она не знала... возможно, у нее просто был момент симпатии к Табите. В конце концов, она знала и боль потери матери.

Затем был вопрос о Новом Дивайде, очевидном шпионе Тристейна, чью личность и местонахождение она не знала, но, судя по перехваченным сообщениям, он, похоже, знал о ней... Факт, который ее сильно беспокоил. Она определенно должна рассказать об этом Джозефу.

"...Нет." – наконец сказала она. «Честно говоря, это было довольно скучно. Она привела нескольких своих друзей, но они не представляли особого интереса».

Джозеф хмыкнул про себя. — Понятно. А как дела у моей дочери?

Двое повернули головы, когда дверь в комнату открылась, четкая часть пола осветилась, когда резкий солнечный свет проник через коридор, в котором было много больших окон, все оставленные открытыми, и Изабелла встала, ухмыляясь с тем же озорным выражением лица. она дала всем.

— Спроси ее сам. — сказала она, входя в комнату. «Боже, папа, тебе действительно нужно отпустить этот темный фетиш, который у тебя есть. Это, конечно, драматично, но ты должен признать, что все это только для красоты. Ты ослепнешь, если будешь продолжать это делать».

Джозеф смотрел вперед, несколько секунд моргая, пока его глаза привыкали к яркому свету, прежде чем он улыбнулся. — Я вижу, ты такой же саркастичный, как всегда. — сказал он, и она ухмыльнулась.

— И я вижу, ты такой же веселый, как обычно. — сказала она, взглянув на Шеффилд. «О, Сайнфелд снова здесь. Я что-то прерываю?»

Брови Шеффилда раздраженно дернулись. Дочь ее хозяина так же настойчиво, как и он, настаивала на неправильном произношении ее имени, но Изабелла даже не пыталась звучать похоже на правильное произношение... и она не чувствовала той преданности, которую Джозеф проявлял к девушке.

«Я Шеффилд, а не Сайнфелд». — сказала она, вставая, ее гнев преобладал над пониманием того, что ей не было приказано вставать.

Как обычно, Джозеф не возражал против небольшого проступка, но все же поднял правую руку, кольцо с коричневым Рубином Земли сияло на солнце. «Успокойся, Миозунитонирун». он сказал. «Изабелла, она просто докладывала мне. Мы закончили».

Шеффилд посмотрела на него, и выражение ее лица смягчилось, ее гнев растаял под его взглядом... мужчина не мог сверлить взглядом, потому что не был способен злиться, но его взгляды были такими же язвительными, как если бы он кричал на нее. "Мастер"

«Миозунитонирун». — сказал он, затыкая ее. «Мы закончили здесь. Уходи, чтобы я мог поговорить с моей дочерью».

Она моргнула, ее голова слегка отдернулась назад, как будто ее ударили, и она ничего не сказала, телепортировавшись прочь, исчезнув и оставив двоих наедине.

Она снова появилась в комнате, которую обычно называла домом, в маленьком, простом месте, с кроватью и чем-то еще. Ей нужно было немного, чтобы выжить, и любые потребности в питании были легко удовлетворены быстрым посещением дворца в Лутесе, столице Галлии, где Иосиф поселился.

Ее рука переместилась ко лбу, ее пальцы пробежались по линиям рун, выгравированных на коже, и она вздохнула. Впервые в жизни она ослушалась своего хозяина. Она предпочла не упоминать о мальчике и его связи с Табитой или о тревожном появлении этого шпиона «Нового Разлома», о личности которого она даже не могла догадываться.

Почему она ничего не сказала? Повлияла ли на нее трогательная сцена объятий Табиты с этим мальчиком? Ее рука двинулась вниз ото лба к груди, где она могла чувствовать, как ее сердце быстро проходит сквозь грудину.

Даже мысль об этом делала ее такой, ее грудь болела от колотящегося сердца. Что в этой сцене могло быть настолько сильным, чтобы задеть эмоциональную струну достаточно глубоко, чтобы она бросила вызов вопросу Джозефа, как она это сделала.

Она проецировала себя на Табиту? У нее было много общего с девушкой, происходящей из того же происхождения, за исключением королевской родословной, но для нее ей не так повезло, чтобы ее мать пострадала от яда. Женщина, чье имя она уже не помнила, была просто сражена разгневанным эльфийским дворянином... В Сахаре отношения между эльфами и людьми поменялись местами с Халкегинией.

Что ж, какой бы ни была причина, она знала, что не может вернуться и исправить себя. Джозеф не чувствовал никаких эмоций, но его наказания были суровыми и беспощадными, и ее верность ему все еще была немного преодолена ее собственной волей к жизни. Ей просто придется смириться со своей ошибкой и надеяться, что это не станет важным вопросом.

«Что со мной не так...» сказала она, тяжело вздохнув, села на тонкий матрас своей кровати и закрыла лицо руками, уставившись на пурпурную ткань, прикрепленную к ее средним пальцам с золотыми кольцами. "Моя голова болит..."

Ее глаза заплыли, а зрение то расплывалось, то расплывалось, и она слабо вздохнула, обнаружив, что лежит на боку на простынях. «Я устала...» сказала она, и когда ее глаза закрылись, ее рот нахмурился.

Шеффилд и не подозревал, что она еще способна мечтать. С тех пор, как заклинание «Призыв слуги» привело ее к Джозефу, ей никогда не снились сны — побочный эффект того, что ее руны находились так близко к ее мозгу, и все же теперь она обнаружила, как в ее подсознании мелькают образы и звуки, мчащиеся так быстро, что она едва хватило времени, чтобы зарегистрировать их.

Она была больна? Она не знала, она никогда не испытывала ничего подобного. Как будто она

приняла один из галлюциногенных ядов эльфов, ее чувства подавляли ее мысли, когда вспыхивали образы. Она знала, что было причиной этого. Ее непослушание было источником, и по мере того, как боль росла в ее черепе, она поняла, что это было ее покаянием.

Руны заставляли ее повиноваться, и она была так глубоко предана и так полностью отдавалась силе рун, что ее страдания были бы огромными из-за совершенного ею проступка. Однако, несмотря на то, что боль начала беспорядочно сокращать ее мышцы на кровати, она не боролась с ней.

Она не хотела. Она совершила преступление против своего хозяина, и поэтому ее наказание должно быть исполнено. Она слишком боялась без сомнения холодной и расчетливой реакции Джозефа, если бы он узнал, что она подвела его, и поэтому она предпочитала простую, бездумную боль, которую ей приносили руны. Эта боль со временем исчезнет, но шрам, разорванный им, никогда не оставит ее.

<http://tl.rulate.ru/book/65667/2271856>